

А сорок седьмой почувствовал, как этот инсектоид смотрит на него, словно на какой-то товар, и по его телу едва ли не дыбом встали волосы. Его черные глаза с вертикальными звериными зрачками мрачно уставились на Тула.

Тула некоторое время смотрел на него в ответ, провел рукой по нижней губе, а в его глазах вспыхнул до предела возбужденный блеск, после чего он вдруг так рассмеялся, что не смог разогнуться: — Ха-ха-ха-ха, как интересно, как же интересно!! Отныне ты принадлежишь мне!

Он почти подбел к А сорок седьмому, радостно скалясь, и единым рывком стянул его на пол.

А сорок седьмой помнил слова Чжоу Ци о том, что нельзя самовольничать. Он изо всех сил сдерживал рвущуюся наружу из условных рефлексов жажду бойни, напряг тело, когда Тула стащил его с кровати, и не стал сопротивляться.

Белоснежные бинты мгновенно в больших количествах обагрились кровью.

Разве Тула не понимал, что это означало, насколько тяжелые раны перенес этот раб? Он едва не подпрыгивал от радости: — Да ты оказывается такой выносливый к побоям!!

Он наступил ногой на пальцы А сорок седьмого и яростно их растоптал, в его глазах промелькнуло выражение злорадного удовлетворения, а сам он чувствовал, как каждая клетка его тела трепещет в диком ликовании.

Этот раб был просто невероятно интересен! Такой дикий, непокорный и при этом прекрасно держит удары!! До чего же интересно!!

Тот тщедушный раб, которого Тула оставил в стороне, лежал пластом в комнате, наблюдая, как этот демон истязает другого самку-инсектоида, злорадно усмехнулся и постепенно перестал дышать.

Просторная и безлюдная аптечная на первом этаже.

Обычно в подобных аптечных в той или иной степени витал запах химических препаратов, напоминающий больничный хлорный раствор, но это помещение отличалось — на запах оно почти ничем не отличалось от улицы.

Причина заключалась в том, что находившиеся здесь лекарства были в массе своей крайне драгоценными. Они герметично запечатывались самыми особыми прочными материалами Расы насекомых, так что наружу не пробивалось ни малейшего запаха.

Без именного отпечатленного сканера отпечатков пальцев Королевской расы насекомых невозможно было ни открыть их, ни воспользоваться ими, даже если вынести тайком.

Чжоу Ци окинул взглядом эту огромную аптечную и обнаружил, что упомянутые врачом лекарства лежали в самом укромном углу комнаты в количестве десяти штук.

Эти препараты производились с невероятным трудом — во всей Панцирная Звезда их едва ли набралось бы сотня, но у одного лишь Чжоу Ци их было аж десять штук, что наглядно показывало, насколько сильно во всей Империя баловали Маленького принца.

Чжоу Ци бросил взгляд на аптечку и открыл ее легким нажатием пальца.

— Возьми два, — его голос прозвучал несколько холодно, а слова были простыми и четкими, однако в них всё равно угадывалась тревога.

Стоявший рядом врач от испуга на миг замер с остановившимся сердцем, заподозрив, что в его инсектоидные уши набилось навоза.

— Д-два?! — вырвалось у него с криком.

Он ведь расслышал, верно? Он точно расслышал! Получить даже несколько капель такого лекарства для этого ничтожного раба было бы благословением, вымоленным у богов за несколько жизней, а младший генерал говорит, что нужно взять две штуки для какой-то никчемной твари?!

Чжоу Ци нетерпеливо нахмурился, и его глубокие зеленые зрачки на фоне яркого внутреннего освещения выглядели невероятно красиво: — Если уши тебе ни к чему, я могу срубить их и скормить собакам!

Сказав это, Маленький принц решительно развернулся и первым поднялся наверх.

Оставшиеся врачи переглянулись, толкая друг друга локтями и не смея взять лекарство. На самом деле, учитывая их статус, сама возможность увидеть подобный препарат казалась им величайшей удачей в жизни, не говоря уже о том, чтобы взять его собственными руками.

Чжоу Ци и не подозревал, что эти никчемные отбросы боялись даже прикоснуться к лекарству. В его глазах сколь бы дорогим ни было лекарство, оно существовало для того, чтобы спасти людей. Его маленький самка-инсектоид столько лет терпел лишения — и что такого в том, чтобы использовать пару дорогих препаратов?

В весьма расслабленном настроении он поднимался наверх, размышляя о том, что сразу после обработки ран нужно будет спуститься вниз и заставить их приготовить кожи, чтобы А сорок седьмой немного подкрепился. Заодно стоит сменить простыни в комнате: сейчас на них столько крови, что они немного испачкались. Да, еще нужно подобрать для малыша комплект одежды...

Однако, подойдя к двери, он обнаружил труп какого-то самки-инсектоида и тут же встревожился.

Чжоу Ци с размаху пнул приоткрытую дверь и, увидев открывшуюся картину, резко сузил зрачки.

Его покладистый и мягкий на протяжении всего пути маленький самка-инсектоид лежал ничком на полу, а высокий самка-инсектоид топтался на его изуродованной до кровавого месива спине. Бинты на его теле почти полопались, и со всех сторон сочилась кровь!

Это же были те самые бинты, которые он сам, сантиметр за сантиметром, бережно и с невероятной нежностью — так, чтобы причинить как можно меньше боли — накладывал на его тело...

А сорок седьмой, обычно проявлявший колоссальную оборонительную и наступательную прыть против внешнего мира, сейчас не сопротивлялся. Он лишь свернулся калачиком, отчаянно прикрывая что-то собой, и даже когда Тула тяжелыми ударами острого каблуца снова и снова бил его по спине, не издал ни звука, продолжая крепко прижимать к себе то самое нечто под ним.

Приглядевшись, Чжоу Ци понял, что это была та самая красная шейный платок, которую он только что случайно достал.

Топтавший А сорок седьмого самка-инсектоид продолжал изрыгать угрозы: — Проклятый раб, ты испачкал шейный платок братика Сяо Цы, твоих жалких жизней не хватит, чтобы за это расплатиться...

А сорок седьмой не обращал на него внимания, лишь крепко прижимая к груди красную шейный платок, в то время как отчаяние и беспомощность вновь разъедали его душу.

Конечно, он не был настолько глуп, чтобы верить, будто эта красивая букашка привела его сюда ради благого дела и собирается кормить даром. Но... но...

Даже если бы его использовали или снова истязали, он хотел бы, чтобы боль причинял именно он, а не кто-то другой...

А сорок седьмой сжал руки вокруг шейного платка еще сильнее.

Пусть его тело и мелко дрожало от боли, он все равно до последнего прикрывал шейный платок своим телом.

Тула пришел в ярость, но при виде того, как А сорок седьмой демонстрирует подобное неповиновение, он испытал еще большее возбуждение. Наслаждение, рождавшееся от смеси

гнева и восторга, заставляло его эмоции бурлить и рваться наружу, так что у него даже слегка подрагивали губы.

Только посмотрите, какой стойкий раб! И духовно, и физически он в десять тысяч раз превосходит тех бесполезных отбросов, что он держал раньше!

До чего же смешно! Если раб не умеет держать удар и не способен сопротивляться, какой же он тогда раб!

Братик Сяо Ци поистине невероятно заботлив, раз отыскал для него такую забавную игрушку!

Услышав звук пинаемой двери, Тула обернулся и, увидев стоявшего на пороге Чжоу Ци, расплылся в улыбке: — Братик Сяо Ци, ты...

В то мгновение, когда Чжоу Ци увидел эту сцену, в его голове сделалось абсолютно пусто, все мышцы вмиг напряжились, а челюсти сжались так сильно, что едва не закровоточили!

Самка-инсектоид, к которому он относился с такой нежностью, которого так тщательно оберегал и о чьей безопасности — чтобы тот не испытал ни малейшей боли — он молча мечтал в душе, был вот так растоптан ногами какого-то злобного и тупого ублюдка!

<http://bllate.org/book/26430/3164331>